

В четырнадцатый год Цзяньчэна Северные Земли уже укутало белоснежным покровом. Этот год в северных краях выдался беспокойным, воины Дунху то и дело предпринимали пробные вылазки. Под защитой крепостных стен потери Армии Динбэй были пренебрежимо малы, но это неизменно служило дурным предзнаменованием. Чжун Цзянли с самого утра вызвали в главный лагерь Динбэй, и оттуда он вернулся лишь к вечеру.

Му Юньцин стояла перед палаткой, а густой снег успел превратить её в подобие снежной бабы. Возвращаясь издалека во главе нескольких войсковых цяньюэев в командный шатер для совещания, Чжун Цзянли то и дело бросал на Му Юньцин косые взгляды.

Озвучив главные темы недавнего собрания, Чжун Цзянли с нетерпением выгнал всех присутствующих вон. Убедившись, что все ушли, он высунул голову наружу и, заметив, что личные стражники у подножия лестницы смотрят строго вперед, протянул руку и втащил стоявшую на карауле у входа Му Юньцин внутрь шатра.

Заметив это, дежурившие снаружи стражники переглянулись — все уже давно привыкли к подобному. Эта Му Юньцин отлично владела боевыми искусствами, была всеобщим любимцем возле самого младшего генерала, да к тому же еще и спасла ему жизнь. Даже если не брать это в расчет, некоторые странные наклонности младшего генерала можно было понять: в конце концов, он с детства рос в армейском лагере, а сейчас ему исполнилось двадцать, и женщин он видел всего пару раз. К тому же Му Юньцин и впрямь была писанным красавцем. Стражники за пределами шатра многозначительно усмехнулись и продолжили смотреть перед собой, не смея повернуть головы.

— В такой снежище чего ты на улице торчишь? Простудишься — мне потом перед военным лекарем Ваном оправдываться, — приговаривал Чжун Цзянли, стряхивая с плеч Му Юньцин снег.

— Я твой личный стражник! Если не стоять у твоего шатра, так куда же еще! — Му Юньцин была совершенно неблагодарна.

— Разве тебе не отменили наряд? Сидел бы в своей палатке, грелся.

Му Юньцин подошел к жаровне и протянул руки к огню.

— Благодаря щедрости младшего генерала мне выделили отдельную палатку, целыми днями ничего делать не надо, а жалованье выплачивают исправно. Знаешь, что сейчас внизу болтают о тебе, младшем генерале?

Чжун Цзянли стало любопытно:

— И что же болтают? Чего тут наговорить можно?

Лицо Му Юньцин приняло странное выражение, а тон сделался издевательским:

— Внизу говорят, что младший генерал отважен и грозен, поистине невероятен, вот только никак не ожидали, что у столь доблестного мужа обнаружится склонность к однополый любви. Если старый генерал об этом узнает, живьем тебя разрубят, не иначе.

Чжун Цзянли и смеялся, и плакал; от злости он тяжело хлопнул по столу:

— Пустобрехи! Совсем у этих парней шкура на заднице огрубела, раз посмели распускать языки обо мне!

Му Юньцин стоял рядом и с некоторым злорадством кивнул:

— Мгм, я придерживаюсь того же мнения, а потому немного размял им косточки.

Му Юньцин одарил Чжун Цзянли лукавой улыбкой.

Чжун Цзянли мгновенно почувствовал, как голова от этих слов увеличилась разом вдвое.

Снаружи раздался голос цяньюэ Вэй:

— Младший генерал! Ваш подчиненный Вэй Жань просит аудиенции.

Му Юньцин торопливо зашептал Чжун Цзянли:

— Это я как раз его подчиненных отходил! Младший генерал, спасай!

Чжун Цзянли с обреченным видом, сжав зубы, процедил:

— Му Юньцин, ну ты и ходячая беда!

Он поднялся и направился к выходу, а Му Юньцин поспешил следом. Оказавшись снаружи, Чжун Цзянли, пользуясь моментом, вернулся на прежнее место у входа в шатер.

— Цяньюэй Вэй, прошу, входите, потолкуем внутри.

Вэй Жань вошел в шатер вслед за Чжун Цзянли и, проходя мимо Му Юньцин, яростно зыркнул на него и тяжело фыркнул.

Стоявший у входа Му Юньцин слышал каждое слово из беседы внутри и не удержался от мысленного презрения: надо же, у этого цянвэя Вэя обнаружилась такая неприглядная страсть, как выгораживание своих любимчиков.

Наконец проводив Вэй Жаня, Чжун Цзянли с мрачным лицом рывкнул на Му Юньцин, приказывая тому войти.

— А младший генерал-то сердится! — продолжал подливать масла в огонь Му Юньцин.

— Да твои руки совсем берегов не знают! Избил людей так, что они с постели встать не могут. Неудивительно, что цянвэй Вэй потребовал отдать тебя под военный трибунал.

— Ох, да я что-то не заметил, чтобы у этого цянвэя Вэя в подчинении служили актрисы пекинской оперы. Сами ни на что не годны, так еще и норовят очернить других! — на лице Му Юньцин читалось чистейшее презрение.

Чжун Цзянли беспомощно посмотрел на него:

— Что, полагаешь, с тобой поступили несправедливо?

— Ничуть. Никакой несправедливости, бил их я. Но никакой особой жестокости я не проявлял, я же не из тех, кто способен калечить собственных боевых товарищей.

Му Юньцин заметил, как Чжун Цзянли исподлобья смотрит на него.

— К тому же ты сам тут замешан. Они же о тебе болтали, считай, я за тебя их и проучил.

Чжун Цзянли не знал, плакать ему или смеяться:

— Выходит, я еще и благодарен тебе должен быть? Спасибо тебе, личный стражник Му, за усердие?

— Не стоит излишней скромности, младший генерал.

Чжун Цзянли тяжело вздохнул:

— Хватит тут передо мной юлить, веди себя смирно.

Снег не прекращался всю ночь, и в лагере стало заметно тише.

Спустя несколько дней Чжун Цзянли вновь вызвали в Северный военный лагерь Дин. Старший принц Дашэна, Ле-ван, от имени императора проводил инспекцию Северных Земель и награждал воинов трех армий, так что все военачальники Армии Динбэй в звании выше шестого ранга, за исключением тех, кто стоял на страже в слишком отдаленных местах и физически не успевал прибыть, обязаны были явиться на смотр. Назавтра Чжун Цзянли вернулся в город Суму.

С неба снова сыпал мелкий снег — здешняя северная метель лилась без конца и края, совсем как дожди в Цюаньчжоу.

Стоило Му Юньцин вспомнить о Цюаньчжоу, как уголки его губ сами собой слегка приподнялись. Пару месяцев назад он получил ответное письмо от Ваньэр: та писала, что на Цюаньчжоу обрушился невиданный за последние сто лет шторм, из-за чего его восточку едва не потеряли, и письмо удалось отправить только после того, как буря утихла. В письме Ваньэр рассказывала, что морская вода затопила центральную улицу, а горная лощина учителя оказалась полностью залита хлынувшими назад волнами. В красках описывалось, как юная девушка и два дряхлых старика под натиском потопа были вынуждены сидеть на каменных ступенях у полугоры — зрелище выдалось на редкость жалкое. Ваньэр живописуя передавала, как учитель, увидев залитый водой дом, мигом растерял свою привычную невозмутимость, пришел в ярость и принялся проклинать небеса. Наставник же, раскрыв сломанный бумажный зонт, старательно укрывал всех от дождя и увещевал учителя. В конце концов разгневанный учитель вырвал бумажный зонт и швырнул его в сторону, так что всем троицам пришлось сидеть на ступенях под дождем.

При одной мысли об этом Му Юньцин не мог сдержать улыбку. Сколь же горд был учитель и сколь изящен наставник! То, что его не оказалось рядом, чтобы полюбоваться на столь жалкий вид этой парочки, было поистине упущением. К моменту отправки письма потоп уже схлынул, лощина учителя превратилась в сплошные руины, и Ваньэр с учителем поневоле пришлось перебраться на время к наставнику.

Пока Му Юньцин предавался думам о родных людях за тысячи ли отсюда — интересно, каково им приходится с приходом зимы? — вдалеке показался бегущий гонец-разведчик.

— Докладываю! Младший генерал! Ровно в шестидесяти ли к северу от города обнаружен передовой отряд Дунху!

Пока младший воин докладывал обстановку, в шатер один за другим примчались армейские цяньвэй, и атмосфера мгновенно накалилась до предела.

— Младший генерал! С наступлением осени воины Дунху то и дело предпринимали прощупывания обороны, и большинство укрепленных городов к востоку от главного лагеря уже столкнулись с ними в бою. Боюсь, на этот раз этот Чули-чжи вознамерился ударить по Суму!

Чжун Цзянли зашагал из угла в угол по шатру:

— Который сейчас час?

— Докладываю младшему генералу: только что миновал час шэнь.

Чжун Цзянли тут же поинтересовался:

— А вернулись ли два отряда дозорных, отправленных в сторону Северного военного лагеря Дин и Уюаня?

Цяньвэй Лю мгновенно покрылся холодным потом:

— Докладываю младшему генералу, оба отряда не вернулись.

Лицо Чжун Цзянли потемнело, а голос прозвучал низко и весомо:

— Всем командирам — за мной на городскую стену.

С высоты крепостных стен вдали отчетливо виднелись тянущиеся по белоснежному горизонту ряды черных силуэтов и клубы снежной пыли — это приближалась огромная лавина конницы.

— Передайте мой приказ: по всей крепости объявить боевую тревогу, закрыть городские ворота, зажечь один сигнальный маяк, всем лучникам подняться на стены! — приказы Чжун Цзянли следовали один за другим.

Он резко развернулся, и в его глазах вспыхнул суровый, пронзительный блеск. В этот миг он больше не походил на беззаботного и ясного юношу — перед нами стоял молодой военачальник с обнаженной, острой, как клинок, сталью характера.

— Уважаемые цяньвэй, враг пришел во всеоружии. Сейчас близится сумерки, а с наступлением темноты разглядеть сигнальные огни труднее всего. До ближайшего к Суму подкрепления из главного лагеря добираться не меньше двух часов. Что бы ни случилось, мы обязаны удержать Суму в течение этих двух часов.

Все цяньвэй в один голос громогласно отозвались:

— Приказ понят!

Облеченный в тяжелые доспехи Чжун Цзянли стоял на крепостном валу, а Му Юньцин застыл у него за спиной.

— Младший генерал, прошу, прикажите воинам поливать стены водой. Сейчас мороз такой,

что капля замерзает на лету, на это уйдет от силы время, за какое выпивают пиалу чаю, и вода схватится ледяной коркой. Пожалуй, это хоть немного задержит бег боевых коней.

Цяньвэй Вэй хлопнул в ладоши и восхищенно воскликнул:

— Отличная мысль! Я мигом отправлю людей носить воду! — с этими словами он собрался сорваться с места и бежать вниз со стены.

— Цяньвэй Вэй, лейте воду с большим размахом, распространяйте наледь как можно дальше от стен наружу! — громко напутствовал его Му Юньцин.

Брови Чжун Цзянли по-прежнему были сдвинуты:

— Боюсь, этот противник окажется не из легких.

Услышав это, Му Юньцин подошел ближе к Чжун Цзянли:

— Тот самый Чули-чжи, о котором вы вечно толкуете?

Чжун Цзянли чуть заметно кивнул.

— Если я не ошибаюсь, пожаловал именно он. Он вечно промышлял на востоке от главного лагеря, и старшему брату там тоже досталось от него. Раз уж он вдруг сорвался с места и проскакал сотню ли до Суму, вряд ли это пустая стычка ради развлечения, тут затевается нечто крупное. Суму — ближайший к главному лагерю укрепленный город, он хоть и богат, но захватить его и удержать в одиночку невозможно, он не станет тратить время на столь бесполезное дело. Целей у него ровно две.

Лицо Чжун Цзянли омрачилось гневом, и пока Му Юньцин еще не до конца понимал причину, тот принялся пояснять:

— Во-первых, этот Чули-чжи ни в грош меня не ставит. В Суму расквартировано более двенадцати тысяч солдат — это крупнейший гарнизон после самого лагеря, но почти все они — новобранцы, пороха не нюхавшие, да и во главе их стоит такой командующий, как я. Он считает это лакомым и легким кусочком.

— Во-вторых, он рассчитывает на подкрепления. Осадить город, чтобы разбить подходящие подмоги — если дело обстоит так, все спасательные отряды неминуемо угодят в ловушку Чули-чжи.

Услышав это, Му Юньцин невольно встревожился:

— Что же нам тогда делать? — спросил он.

Глядя на надвигающуюся вдалеке черную полосу, Чжун Цзянли повернулся к Му Юньцин:

— Военное дело сродни искусству шахматной партии. Раз уж мы разгадали замысел неприятеля, остается лишь искать способ переломить ситуацию.

— И каков же он? — вперил взгляд в Чжун Цзянли Му Юньцин.

— Первое: еще через полчаса зажечь два оставшихся маяка. По идее, конница, отправленная моим отцом, уже в пути. Если чуть позже зажечь остальные маяки так, чтобы полыхали все три, это будет означать нападение главных сил противника, и отец непременно пошлет в прорыв мощное подкрепление. Он должен сообразить, что подобный сигнал с моей стороны означает неладное, я не мог не оценить обстановку, в которой оказался.

Му Юньцин подхватил на лету:

— То есть ты сначала зажигаешь один маяк в знак тревоги, чтобы лагерь выслал небольшой отряд, а затем зажигаешь все три разом, вынуждая лагерь бросить в бой основные силы. Если Чули-чжи и впрямь вознамерился взять город в осаду ради уничтожения подкреплений, ты тем самым проведешь его: сначала бросишь наживку, а вторым эшелоном поддержки ударишь по нему, когда он потеряет бдительность.

На лице Чжун Цзянли расцвела широкая улыбка:

— Умница. Отец должен понять мой замысел, и вторая волна подкреплений пойдет на выручку с особой осторожностью. Этот маневр с использованием первых солдат в качестве приманки — мера хоть и вынужденная, но способная распутать узел, позволяя ударить вовремя, но уже после врага.

— Тупик с подкреплениями мы разрешили, а как же быть с нашим собственным? — посмотрел на него Му Юньцин.

— Стоять насмерть. Падет Суму — никому из защитников в городе не остаться в живых. — Чжун Цзянли молча положил руки на парапет стены, а Му Юньцин молча смотрел ему в спину.

— Остается еще молиться.

Му Юньцин озадаченно переспросил:

— Молиться? О чем?

— О том, чтобы старший принц лично не повел войска в бой. Его высочество годами участвовал в восточных и западных походах, на Западных Пределах у него почти не было равных противников, это редчайший полководческий талант. На этот раз он прибыл для инспекции севера с конницей Цзинъюнь, и я боюсь, что высочество не удержится от соблазна испытать силы в деле. Если старший принц понесет хоть какой-то урон, отцу не сносить головы, а если это позволит свалить отца — у Дунху появится куда больше шансов на победу. Чули-чжи нельзя недооценивать, за последние годы он — умнейший из полководцев Дунху, признаться, я изрядно тревожусь.

— Да, и еще кое-что, — Чжун Цзянли внезапно круто развернулся к Му Юньцин.

Тот опешил.

— А ты — катись в свою палатку! — прошептал Чжун Цзянли, резко придвинувшись к самому уху Му Юньцин. — Женщинам не место на войне.

Щеки Му Юньцин, и без того пощипанные морозом до красноты, вспыхнули еще ярче.

Выдержав долгую паузу, Чжун Цзянли продолжил едва слышно:

— Если я проиграю и не удержу город... Сними форму, затеряйся среди простых людей, глядишь, и выживешь.

Он разжал руки, сжимавшие плечи Му Юньцин, а тот ошеломленно уставился на него. Всегда стоявший на принципах лучше погибнуть цельным нефритом, чем уцелеть глиняным черепком, он вдруг заговорил о том, чтобы она спасала свою жизнь!

Заметив изумление Му Юньцин, он тихо произнес:

— Война — это мужское дело.

<http://bllate.org/book/19603/1923283>